

не сказалъ намъ причины своего упорства, но мы угадали ее. Съ этого времени онъ навсегда отказался отъ своего любимаго слова и не произнесъ его не однажды.

Я имѣлъ случай замѣтить и при другихъ обстоятельствахъ, что онъ уже имѣлъ власть надъ самимъ собою. До самаго отъезда Маріи-Луизы въ ея Пармскія владѣнія, при Герцогѣ находилась одна женщина, истинно его любившая. Это была госпожа Маршанъ, мать старшаго камердинера Наполеона *; она спала подлѣ кровати нашего питомца, одѣвала его по утру и раздѣвала вечеромъ. Онъ привыкъ къ ней и много любилъ ее. При отъездѣ Маріи-Луизы въ Парму, г-жа Маршанъ отправилась во Францію (въ то же время и туда же отправился г. Боссе, также весьма много любившій Герцога). Послѣ отъезда г-жи Маршанъ я перенесъ мою кровать въ спальню нашего питомца. Я думалъ, что Герцогъ будетъ очень огорченъ отъездомъ особы, къ которой онъ сдѣлалъ такую привычку; но онъ, пробудясь, сказалъ мнѣ съ удивительнымъ спокойствіемъ для своего возраста:

— Г. Форести, мнѣ хочется встать.

Онъ не любилъ сказокъ и басенъ: мысль, что его хотятъ обмануть, была для него нестерпима. Нравоученіе, переданное въ формѣ разказа, не трогало его нисколько; выслушавъ такой разказъ, онъ обыкновенно говаривалъ:

* Того самаго, который заступилъ мѣсто *Констана* и сопровождалъ Императора на острова Эльбу и св. Елены.

— Если это выдумка, то чтожь въ ней полезнаго?

Однакожь поэтическій талантъ г. Коллина, казалось, восторжествовалъ въ нѣкоторой степени надъ этимъ отвращеніемъ ко всему вымышленному... На одномъ изъ холмовъ, окружавшихъ Шембрунь (вправо отъ изящныхъ аркадъ Глоріэтты) былъ выстроень домикъ въ родѣ Швейцарскихъ или, лучше сказать, Тирольскихъ хижинокъ, и названъ, по причинѣ этого сходства, *Tyroler Haus*. Видъ изъ этой хижики былъ очаровательный; мѣстоположеніе ея было живописно. Сюда-то, въ это тихое уединеніе, приходилъ иногда Коллинъ съ юнымъ Герцогомъ и рассказывалъ ему исторію Робинсона-Крузое. Воображеніе дитяти воспламенялось при этихъ разказахъ: Герцогъ думалъ, что онъ находится на пустынномъ островѣ... Коллинъ пользовался этою мечтательностію и заставлялъ Герцога дѣлать разныя мелочи, необходимыя въ житейскомъ быту. Эти вещицы, сдѣланныя довольно искусно, хранятся въ павильонѣ, который и теперъ называется *домомъ Герцога Рейхштадтскаго*. Гувернеръ и питомецъ вырыли, общими силами, пещеру, подобную той, которая описывается въ «Робинсонъ-Крузое.»

Герцогъ довольно хорошо зналъ, чѣмъ онъ былъ во Франціи; онъ помнилъ, что его называли Королемъ; онъ зналъ, что отецъ его былъ человѣкъ необыкновенный. Однажды, въ присутствіи фамили Императорской, одинъ изъ эрцгерцоговъ, показывая ему серебряную медальку, изъ числа тѣхъ, которыя были выбиты при его рожденіи и розданы народу, спросилъ его:

— Знаете ли вы, чье это изображеніе?

— Мое, отвѣчалъ онъ немедленно; это я, когда я былъ Римскимъ Королемъ.

Распросы его о прошлой его жизни и о жизни отца его ежедневно приводили насъ въ затрудненіе; неточными отвѣтами онъ не довольствовался и мы не знали что дѣлать. Къ счастью, прибылъ Императоръ. На докладъ нашъ по этому предмету, Императоръ отвѣчалъ намъ: «Истина не должна быть скрывается отъ Герцога. Отвѣчайте ему на всѣ его вопросы: этимъ вы успокоите его воображеніе и внушите ему довѣренность, для васъ необходимую.»

Получивъ дозволеніе, мы начали отвѣчать на распросы Герцога весьма откровенно. Предсказаніе Императора сбылось: Герцогъ вскорѣ какъ бы пресытился этимъ разговоромъ и почти прекратилъ свои распросы.

Извѣстіе о кончинѣ Наполеона привезъ въ Вѣну курьеръ Ротшильда. Передать эту горестную вѣсть Герцогу, которому только что исполнилось тогда десять лѣтъ отъ роду, долженствовала я.... * Это было 22 Юля, а спустя 11 лѣтъ онъ самъ скончался 22 Юля!... Я извѣстилъ его о кончинѣ Наполеона. Онъ горько заплакалъ и былъ печаленъ въ продолженіи многихъ дней. «Г. Форести, сказалъ онъ мнѣ однажды, батюшка навѣрное не думалъ, что вамъ придется такъ обязательно лещись обо мнѣ.» Въ эту минуту Герцогъ намекалъ на одинъ случай изъ моей жизни, о которомъ я рассказывалъ ему.

* Графъ Дитрихштейнъ былъ тогда въ отлучкѣ.

Въ 1809 году я былъ взятъ въ плѣнъ въ сраженіи при Ратисбонѣ и приведенъ вмѣстѣ съ другими Австрійскими офицерами къ Наполеону. Онъ сидѣлъ на конѣ посреди своего многочисленнаго штаба.

— Да гдѣ же Эрцгерцогъ? спрашивалъ онъ неоднократно.

Потомъ, обратившись ко мнѣ, началъ бранить Австрію за то, что она имѣла намѣреніе вредить ему Испанскою войною и препятствовала ему окончить эту кровавую борьбу. Странный гнѣвъ этотъ удивилъ меня въ то время.

Герцогъ Рейхштадтскій былъ пораженъ мыслию, что руководителемъ и вѣрнѣйшимъ другомъ его былъ человекъ, нѣкогда навлекшій на себя гнѣвъ отца его.

Герцогъ долго носилъ трауръ по Наполеонѣ; трауръ этотъ носили и всѣ окружавшіе Герцога.

Предварительное воспитаніе Герцога продолжалось до семилѣтняго возраста. Въ эту эпоху мы старались посредствомъ чтенія знакомить нашего питомца съ языками Французскимъ, Нѣмецкимъ и Италіанскимъ. Я замѣчалъ слова для него новыя, чтобы они лучше остались въ его памяти. Ежедневно я заставлялъ его дѣлать нѣсколько упражненій грамматическихъ; впрочемъ, я не слишкомъ много занималъ его этими упражненіями, зная, что въ дѣтскомъ возрастѣ живые языки гораздо легче изучаются практически, нежели теоретически.

Колленъ началъ учить его древнимъ языкамъ, когда ему исполнилось восемь лѣтъ. Помощникомъ Коллена былъ я. Но эти занятія не очень нравились

нашему питомцу; вниманіе его привлекаль къ себѣ другой предметъ: предметъ этотъ былъ—военное искусство.

Чтобы замѣнить сколько нибудь соревнованіе, котораго не доставало нашему питомцу, и чтобы имѣть возможность повѣрять успѣхи воспитанія, Императоръ учредилъ двѣ комиссіи для экзаменованія Герцога въ опредѣленные времена. Комиссія для испытанія его въ такъ сказать общихъ знаніяхъ состояла изъ губернёровъ, придворнаго духовника и инспектора народныхъ школъ Суммаруги. Членами же комиссіи, которой поручено было испытаніе Герцога въ военныхъ наукахъ, были: одинъ инженеръ полковникъ, профессоръ военной академіи, майоръ Вейсъ и гувернеры.

Дѣятельный, внимательный надзоръ этихъ комиссій придавъ новыя силы прилежанію Герцога. Въ 1824 году мы имѣли несчастіе лишиться г. Коллена. Мѣсто его занялъ г. Обенаусъ, совѣтникъ управленія нижней Австріи. Г. Обенаусъ былъ нѣкогда наставникомъ Эрцгерцога Карла и многихъ другихъ особъ Императорской фамиліи, въ особенности же наследнаго Принца.

Баронъ Обенаусъ занялся съ Герцогомъ изученіемъ Горація, Тацита и преимущественно комментарій Цезаря, этого любимаго сочиненія Герцога.

За этими занятіями послѣдовало изученіе философіи, естественнаго и политическаго правъ. Руководства по этимъ отраслямъ знаній для Герцога составилъ самъ г. Обенаусъ, по сочиненіямъ знаменитѣйшихъ философовъ и публицистовъ Нѣмецкихъ, Французскихъ и Италіанскихъ.

Религіозное образованіе Герцога было поручено придворному духовнику, Вагену, человѣку весьма образованному. Онъ написалъ для руководства Герцога по этой части книгу и дважды въ недѣлю давалъ ему уроки; старался образовать умъ своего слушателя и вмѣстѣ съ тѣмъ тронуть его сердце; не забывая говорить ему о его положеніи въ обществѣ и объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на него этимъ положеніемъ. Вагенъ былъ любимъ и уважаемъ Герцогомъ.

Герцогъ страстно любилъ исторію; онъ прочелъ уже много историческихъ сочиненій, когда г. Обенаусъ началъ въ 1825 году систематически изучать съ нимъ Всеобщую Исторію и Исторію Австріи до Французской революціи 1830 года. Г. Обенаусъ получилъ повелѣніе отъ Императора познакомить новаго питомца съ современными происшествіями и въ особенности съ исторіею Наполеона; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Обенаусу поручено было пройти съ Герцогомъ курсъ всѣхъ наукъ, необходимыхъ для человѣка, которому предстоитъ важное значеніе въ Государствѣ. А потому къ изученію Исторіи мы присоединили изученіе наукъ политическихъ и статистики во всемъ ея пространствѣ. Герцогъ охотно занимался этими науками; онъ превосходно помнилъ событія и имена историческія, но не рѣдко забывалъ годы происшествій; вообще должно замѣтить, что цифры онъ помнилъ плохо и не любилъ математическихъ вычисленій.

Не смотря на это, я началъ учить его математики, когда ему исполнилось одиннадцать лѣтъ. Онъ

прилжно занялся изученіемъ геометріи и съемки плановъ. Впослѣдствіи Герцогъ составилъ географическую карту части Австріи и поднесъ ее своему августѣйшему дѣду.

Дальнѣйшее преподаваніе Герцогу наукъ математическихъ было поручено г. Вейсу, о которомъ я уже упоминалъ. Г. Вейсъ былъ человекъ истинно достойный; онъ много и дѣльно писалъ о гражданской и преимущественно о военной архитектурѣ. Онъ прошелъ съ Герцогомъ полный курсъ фортификаціи начавъ этотъ курсъ изложеніемъ системъ укрѣпленій, предшествовавшихъ изобрѣтенію пороха и употребленію пушекъ; онъ ознакомилъ Герцога со всѣми родами укрѣпленій, которыя употреблялись до Вобана и др. По этой-то обширной программѣ былъ подвергнутъ испытанію комиссіею, находившеюся подъ предсѣдательствомъ ученаго полковника Шиндлера. Юный Наполеонъ удивилъ своимъ умомъ и своимъ образованіемъ всѣхъ, присутствовавшихъ при этомъ испытаніи.

Не рѣдко Императорская фамилія посѣщала экзамены. Первый изъ нихъ происходилъ въ присутствіи Императора и Императрицы, и продолжался около шести часовъ.

Послѣдній его экзаменъ (1 Марта 1830 года) былъ прерванъ страшною вѣстію о внезапномъ наводненіи въ Вѣнѣ; Дунай, прорвавъ всѣ плотины, залилъ Леопольштадтское и Нассауское предмѣстія.

Императоръ и особы фамиліи Императорской спѣшили на помощь погибавшимъ. Герцогъ Рейхштадт-

скій желалъ было присоединиться къ своимъ августѣйшимъ родственникамъ, но сложеніе его было такъ слабо, что исполнить его желаніе, значило бы подвергать опасности жизнь его. Врачи всегда боялись за жизнь его, а въ это время быстрое и чрезмѣрное увеличеніе стана его еще болѣе увеличило эти опасенія. Онъ грустно остался дома по приказанію Императора; но въ утѣшеніе себя отдалъ все, что имѣлъ тогда, на помощь пострадавшимъ отъ наводненія.

Мы продолжали занимать нашего питомца изученіемъ языковъ и литературъ новѣйшихъ народовъ. При немъ долгое время находился профессоръ Подвинъ; но, къ несчастію, былъ похищенъ смертію до окончанія воспитанія. Съ этимъ-то профессоромъ занимался онъ изученіемъ Французскихъ классиковъ. Герцогъ зналъ наизусть множество отрывковъ изъ Генріады и изъ трагедій Расина и Корнеля. Корнель ему нравился преимущественно предъ другими Французскими классиками; но вообще должно замѣтить, что красоты поэзіи трогали Герцога очень слабо. Онъ не находилъ никакой прелести въ стихахъ и восхищался только правдивостью и возвышенностью мыслей.

Изъ Французскихъ писателей онъ предпочтительно любилъ Лабрюйера; онъ много разъ читалъ его *Характеры* и восхищался его глубокою наблюдательностію. Герцогъ былъ недоувѣрчивъ, быть можетъ въ слѣдствіе своего положенія въ обществѣ; онъ смотрѣлъ на людей взоромъ испытующимъ и умѣлъ угадывать ихъ. Онъ строго судилъ ихъ, но замѣчанія его не рѣдко были очень основательны.

Герцогъ занимался изученіемъ и Нѣмецкой литературы. Ему были извѣстны наши поэты и преимущественно Гёте и Шиллеръ. Онъ зналъ наизусть лучшія мѣста изъ ихъ трагедій. Изъ сочиненій Шиллера ему очень нравилась «Исторія тридцатилѣтней войны.» Онъ съ любопытствомъ и со вниманіемъ прочелъ многотомныя сочиненія Шмита, Дюллера и знаменитѣйшихъ Нѣмецкихъ историковъ.

Съ Италіанскою литературою знакомилъ его, подъ особеннымъ моимъ надзоромъ, аббатъ Пина, отличный знатокъ языка Италіанскаго. *Иерусалимъ* Тасса нравился Герцогу болѣе другихъ произведеній Италіанской литературы; нѣкоторые стансы Тасса онъ зналъ наизусть. Я старался приучить его правильно писать по-Италіански; онъ переводилъ на этотъ богатый языкъ сочиненія Французскихъ и Нѣмецкихъ авторовъ и, между прочимъ, перевелъ надгробное слово Вашингтону, произнесенное Фонтаномъ въ VIII годъ Французской республики, и брошурку Шатобріана о Греціи.

Одни названія сочиненій, которыя мы приняли въ руководство для воспитанія Герцога, могутъ доказать, что мы ни сколько не старались (какъ вообще думали во Франціи) скрывать отъ нашего питомца истину объ историческихъ происшествіяхъ. Напротивъ того Графъ Дитрихштейнъ счелъ долгомъ познакомить Герцога, когда Герцогу исполнилось 14 лѣтъ, со всѣмъ тѣмъ, что было писано о Наполеонѣ и о Французской революціи.

Считая хронологию и географию необходимыми вспомогательными науками исторіи, мы старались

обратить на нихъ вниманіе Герцога, и питомецъ нашъ занялся изученіемъ ихъ съ большимъ прилежаніемъ.

Слушая лекціи философіи, онъ занимался изученіемъ физики подъ руководствомъ ученаго профессора университета, г. Баумгартена, который водилъ нашего питомца на обсерваторію для слушанія астрономическихъ лекцій г. Питрова. Герцогъ дѣлалъ вмѣстѣ съ г. Питровымъ астрономическія наблюденія и подъ руководствомъ его знакомился съ употребленіемъ инструментовъ астрономическихъ.

Вмѣстѣ же съ г. Баумгартеномъ посѣщали мы лекціи и осматривали кабинеты Политехнической школы. Цель этого учебнаго заведенія у насъ вовсе не та, какъ во Франціи: наша Политехническая школа, основанная въ 1816 году, приготовляетъ молодыхъ людей не къ военному, но къ торговому званію и къ промышленнымъ занятіямъ.

Искусствами Герцогъ занимался неохотно и неуспѣшно; музыкѣ онъ учился очень мало; рисоваль онъ довольно правильно, но какъ будто бы боялся заниматься изученіемъ этого искусства, чтобы не лишиться себя времени, необходимаго для развитія своихъ умственныхъ способностей.

Впрочемъ Герцогъ охотно занимался изученіемъ архитектуры подъ руководствомъ Нобилия. Питомецъ нашъ любилъ уроки этого умнаго, образованнаго наставника.

Герцогъ былъ очень ловокъ и проворенъ въ играхъ съ дѣтьми своего возраста. (Чаще всего онъ игрывалъ съ Эрцгерцогомъ Францискомъ). Питомца нашего приучали къ верховой ѣздѣ съ самаго дѣт-

ства, но правильнымъ изученіемъ ея онъ занялся не ранѣе, какъ на пятнадцатомъ году своего возраста. Онъ любилъ это упражненіе и вскорѣ сдѣлалъ въ немъ большой навѣкъ. Жители Вѣны видали, съ какою граціею и съ какою смѣлостію укрощалъ онъ лошадей самыхъ строптивыхъ, когда бывало носился по рядамъ войскъ на маневрахъ, или когда посреди другихъ многочисленныхъ всадниковъ скакалъ по аллеямъ нашего живописнаго Пратера.

Рѣшительная склонность его къ военному званію побудила Императора дозволить ему носить военный мундиръ. Мундиръ этотъ сначала былъ простой солдатскій. Ружейные приемы Герцогъ выучилъ очень скоро и былъ въ восхищеніи, когда за успѣхи его по этой части произвели его въ сержанты.

Въ послѣдствіи онъ прошелъ всѣ ступени военной службы и изучилъ всѣ ея подробности.

Считаясь рядовымъ, онъ *ставалъ* иногда въ карауль у дверей апартаментовъ Императора. Въ этихъ случаяхъ Герцогъ очень важно дѣлалъ на карауль каждому придворному чиновнику, но никогда не отдавалъ этой чести дамамъ. Кто-то вздумалъ упрекнуть его за это. «Я готовъ, отвѣчалъ онъ, все сдѣлать для дамъ, но никогда не сдѣлаю имъ на карауль.»

Съ самаго дѣтства оказывалъ онъ большое уваженіе заслуженнымъ воинамъ. Однажды Герцогъ никакъ не хотѣлъ занять обыкновеннаго мѣста сво-

его за столомъ Императорскимъ (онъ всегда садился подлѣ Эрцгерцога Франциска), и на вопросъ о причинѣ этого нежеланія отвѣчалъ: «Здѣсь есть генералы: они старше меня чиномъ.»

Онъ былъ не доволенъ, когда его считали дитятею. Одна придворная дама рассказывала мнѣ анекдотъ, въ которомъ замѣтно обпаружилась эта черта характера юнаго Наполеона. Ежегодно, при возвратѣ весны, Императоръ давалъ праздникъ въ своихъ великолѣпныхъ оранжереяхъ. За столами, которые ставили въ этихъ оранжереяхъ, сидѣли однѣ дамы; мужчины же помѣщались въ интервалахъ между дамами и цвѣтами. На одномъ изъ этихъ праздниковъ, Императрица подозвала къ себѣ Герцога (ему тогда было не болѣе 11 лѣтъ отъ роду), обласкала его и хотѣла было посадить его между дамами; Герцогъ покраснѣлъ, не согласился сѣсть и сказалъ очень серьезно: «Я долженъ быть съ мужчинами.»

Можно сказать, что онъ почти вовсе не имѣлъ дѣтства: такъ рано развернулась у него способность мыслить. Онъ любилъ бесѣды людей старѣе его лѣтами.

Иногда мы замѣчали у него какую-то странную небрежность въ слогѣ, небрежность, совершенно противурѣчившую его основательному изученію теоретическимъ языкамъ.

Герцогъ Рейхштадтскій всегда обращался съ нами ласково, но никогда не бывалъ слишкомъ откровененъ. Я часто бывалъ у него и по окончаніи его

воспитанія. Онъ благосклонно принималъ меня даже въ тяжкіе дни, предшествовавшіе его кончинѣ.

Во всю жизнь мою я сохраняю о немъ глубокое, религиозное воспоминаніе.

**ИНЖЕНЕРЪ-КАПИТАНЪ ФОРЕСТИ, БЫВШІЙ НАСТАВНИКЪ ГЕРЦОГА РЕЙХ-
ШАДТСКАГО.**

ЕВГЕНІЙ БОГАРНЕ.

Попробуйте спросить у стараго солдата большой арміи, кто былъ Принцъ Евгеній?... Ветеранъ прослезится и скажетъ вамъ: «это былъ одинъ изъ нашихъ; это былъ добрый, челоѡколюбивый, храбрый пасынокъ Императора!»

Да, Принцъ Евгеній былъ достойный пасынокъ Наполеона; Евгеній займетъ въ исторіи почетное мѣсто подлѣ Императора....

Отецъ Евгенія, Генераль Александръ Богарне, командовавшій въ 1793 году республиканскою Рейнскою арміею, былъ приговоренъ республиканскимъ правительствомъ къ смертной казни и погибъ на эшафотѣ. Такою-то смертію умеръ Александръ Богарне, оставивъ послѣ себя вдову, которая сдѣлалась Императрицею Французовъ; умеръ, оставивъ послѣ себя сына, который сдѣлался Вице-Королемъ Италіанскимъ.

Любезная, благородная женщина была Жозефина! Франція съ любовью привѣтствовала ее именемъ Императрицы. Всегда, при всѣхъ переменѣхъ своего счастья, Жозефина была одинаково благородна и одинаково добродѣтельна; она оставила по себѣ имя любимое всѣми Французами; суевѣрные Французы считали ее добрымъ геніемъ Императора, и въ самомъ дѣлѣ счастье покинуло Наполеона, когда онъ покинулъ эту женщину!

Но я забылся; я собирался говорить о Евгеніи Богарне, а говорю о его матери....

Когда Генераль Бонапартъ усыновилъ Евгенія, Евгенію показалось, что онъ снова нашель себѣ отца въ Генераль Бонапарте. Первая война, въ которой участвовалъ Евгенийъ, была война Италіанская; Италія, первое завоеваніе Бонапарта, встрѣтила его радостно; Италія, видѣвшая людей великихъ, видѣвшая Аннибала и Цезаря — поняла его! Евгенийъ, возвратясь съ Бонапартомъ изъ Италіи, слѣдуетъ за нимъ въ Египеть; здѣсь они знакомятся съ новыми врагами — съ пустынею и жаромъ, съ чумою и съ глубокими, волнующимися песками. Потомъ Бонапарте возвращается во Францію и дѣлается Императоромъ Французовъ. Франція воскликнула: да здравствуетъ Императоръ! Мать Евгенія сдѣлалась Императрицею. Вожди, товарищи Бонапарта, отправившіеся съ нимъ на поприще славы босикомъ, въ простыхъ блузахъ, выслужились въ генералы, въ маршалы имперіи. Евгенийъ Богарне, бывший полковникомъ, сдѣлался принцомъ Французскимъ, потомъ Вице-Королемъ Италіанскимъ, потомъ принцемъ Венеціанскимъ; однимъ словомъ, получилъ все, что могъ получить любимый сынъ Наполеона.

Принцъ Евгеній доказаль, что онъ былъ достоинъ своего счастья. Шпага отца его не осталась праздною въ ножнахъ своихъ. Евгеній участвовалъ во всѣхъ войнахъ этой эпохи войнъ и побѣдъ. Писать военныя біографіи наши этой эпохи дѣло не легкое: всѣ онѣ походятъ одна на другую. Всѣ тогдашніе счастливые солдаты, всѣ великіе полководцы того времени, всѣ маршалы имперіи участвовали въ однихъ и тѣхъ же сраженіяхъ, побѣждали однихъ и тѣхъ же непріятелей, переходили черезъ однѣ и тѣ же рѣки, ниспровергали однѣ и тѣ же укрѣпленія. Всѣ они шли по пятамъ одного великаго завоевателя, по пятамъ Наполеона. Всѣхъ ихъ замѣтила Европа посреди густыхъ облаковъ пороховаго дыма, облаковъ, застилавшихъ небо, но не скрывшихъ этихъ героевъ отъ всеобщаго удивленія. Всѣ они бьются, какъ истинные герои, всѣ они дѣлаются, или, навѣрное, будутъ князьями, если не падутъ отъ ядеръ непріятельскихъ.... Всѣ они были увѣнчаны одною и тою же славою, всѣ они подвергались однѣмъ и тѣмъ же опасностямъ, знали однѣ и тѣ же мечтанія! Какъ же вы хотите, чтобы біографіи этихъ людей не походили одна на другую?

Но оставимъ ихъ съ ихъ славою. Въ этой толпѣ героевъ можно отличить только тѣхъ, которые отличались своими личными качествами, своими добродѣтелями, своею вѣрностію герою, послѣ паденія его; герою, котораго они почти всѣ покинули.

Принцъ Евгеній принадлежалъ къ числу этихъ избранныхъ; онъ стоялъ въ первомъ ряду ихъ, какъ онъ стоялъ въ первомъ ряду между храбрыми. Онъ любилъ Императора любовію сыновнею, любовію, ко-

торую не охладило даже прибытіе новой Императрицы, не охладило даже рожденіе новаго сына, который въ колыбели былъ Королемъ Римскимъ.

Явилась и Русская война, эта печальная противоположность войны Египетской, этой славной войны. Французы, которыхъ пощадило жгучее солнце востока, гибнуть на снѣгахъ сѣвера. Орелъ Императорскій печально машитъ своими окровавленными крыльями на поляхъ гибельныхъ битвъ....

Евгеній былъ изъ первыхъ въ этой войнѣ. Онъ принималъ важное участіе въ Бородинскомъ сраженіи: начальствовалъ въ битвахъ подъ Малымъ Ярославцемъ, подъ Вязмою, подъ Краснымъ. Когда Москва была сожжена передъ глазами Французской арміи, когда большая армія окончила свое отступление, когда Наполеонъ и Мюратъ оставили орлы свои, Принцъ Евгеній принялъ начальство надъ этою арміею, надъ арміею, отступавшею еще впервые. И какое было это отступление! Но ни армія, ни Принцъ Евгеній ни роптали на Императора; напротивъ того, тѣ, которыхъ уже охватывалъ холодъ смерти, приподнимались съ окровавленнаго снѣга и восклицали умирая: *да здравствуетъ Императоръ!*

Евгеній, доведя остатки большой арміи до Магдебурга, спѣшилъ возвратиться въ Италію для защиты своихъ владѣній отъ вторженій Австрійцевъ. И въ этомъ послѣднемъ усиліи Евгеній явился тѣмъ же героемъ, какимъ онъ былъ и прежде. Но наконецъ должно было уступить; но наконецъ звѣзда Наполеона затмилась, имперія сокрушилась и, сокрушаясь, погребла подъ своими развалинами всѣ царства, Наполеономъ основанныя.

Горька была эта минута для царей, облеченныхъ въ царскій санъ могущественнымъ гениемъ Наполеона! Одни изъ нихъ искали спасенія въ бѣгствѣ, другіе покорились побѣдителямъ....

Самъ основатель величія ихъ, Наполеонъ, отираясь въ ссылку, облобызавъ орлы свои, сказавъ прости друзьямъ своимъ.

Друзьямъ своимъ! Но какъ мало было у него друзей въ эту грозную минуту! Гдѣ были тогда тѣ, которыхъ онъ осыпалъ почестями и богатствомъ, гдѣ были они?

Благородный Евгенийъ былъ вѣренъ Императору, вѣренъ до самой смерти своей. Евгенийъ не утратился, когда Европа возстала на Францію; онъ защищался покамѣстъ было можно защищаться, и когда наконецъ исчезла послѣдняя надежда спасенія, онъ поступилъ также, какъ поступилъ отецъ его, Наполеонъ: онъ уступилъ силѣ и сказалъ самому себѣ: совершилось.

Напрасно союзники дѣлали ему самыя блестящія предложенія: онъ не принялъ этихъ предложеній. Евгенийъ не помрачилъ своей славы ни честолюбіемъ, ни слабостями; онъ плакалъ, онъ страдалъ втайнѣ. Евгенийъ удалился изъ Франціи, но думы его были прикованы къ этой Франціи, столь нѣжно имъ любимой.

Въ 1824 году (Февраля 4) онъ скончался, какъ сказываютъ, скоропостижно. Ему было только 44 года отъ роду.

Юлій Жавенъ.

НЕОЖИДАНОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Я писалъ отвѣтъ Герцогу Бассано, на извѣщеніе его о прибытіи въ Варшаву дипломатическаго корпуса, отвѣтъ, въ которомъ я старался дать замѣтить Герцогу, что городъ, ни чѣмъ не защищаемый отъ непріятеля, будетъ плохимъ убѣжищемъ для дипломатовъ; какъ вдругъ двери кабинета моего открылись и предо мною предсталъ чловѣкъ, опирающійся на одного изъ секретарей моихъ.

Голова этого пришельца была обвернута черною тафтою; лице его скрывалось въ воротникѣ шубы; ноги его едва двигались въ тяжелыхъ теплыхъ сапогахъ.

— Слѣдуйте за мною, сказала мнѣ это страшилище.

Я всталъ и подошелъ къ нему. Это былъ Коленкуръ.

— Какъ! это вы? воскликнулъ я. Гдѣ же Императоръ?

— Въ Англійской гостинницѣ; онъ ожидаетъ васъ.

— За чѣмъ же не остановился онъ во дворцѣ?

— Онъ не желаетъ быть узнаваемъ.

— Да кудажь вы ѣдете въ такомъ парядѣ?

— Въ Парижь.

— А войско?

— Войско!... сказала онъ поднимая глаза къ небу. Армія не существуетъ болѣе.

— А побѣда при Березинѣ? А шесть тысячъ Русскихъ, взятые въ плѣнъ Герцогомъ Бассано?

— Черезъ Березину мы переправились. Беречь плѣнныхъ было некогда.

— Господинъ Герцогъ, сказалъ я, взявши Коленкура за руку, — пора подумать о нашемъ положеніи, вѣрные слуги Императора должны высказать ему правду.

— Да, ужасное бѣдствіе!... отвѣчалъ онъ; по крайней мѣрѣ, я не могу сдѣлать себѣ упрека: я предрекалъ его. Однакожь, ѣдемъ: Императоръ ожидаетъ васъ.

Я поспѣшно выхожу изъ дома, почти бѣгу по улицамъ, и наконецъ, усталый, останавливаюсь у ворота гостинницы. Это было въ половинѣ втораго. Ворота ея охранялъ Польскій жандармъ. Содержатель гостинницы внимательно осмотрѣлъ меня, призадумался было на минуту; но потомъ пропустилъ меня въ свои владѣнія. На дворѣ я замѣтилъ небольшой каретный кузовъ, поставленный на сосновые полозья; кузовъ этотъ былъ вполнину изломанъ.... На двухъ другихъ саняхъ приѣхали Гене-

раль Лёфевръ - Денуэтъ, Мамелюкъ Рустанъ и камеръ - лакей. Такъ вотъ что осталось послѣ такой пышности и такого величія! подумаль я въ эту минуту.

Передо мною таинственно отворяется дверь въ маленькую, низенькую комнатку; меня встрѣчаетъ Рустанъ и ведетъ далѣе.

Герцогъ Виченскій входитъ къ Императору, докладываетъ обо мнѣ, вводитъ меня къ нему и выходитъ.

Наполеонъ былъ въ холодной, очень не высокой комнаткѣ; окны ея были вполонину закрыты ставнями, чтобы лучше сохранить инкогнито Его Величества. Неуклюжая Полячка изо всѣхъ силъ раздувала огонь въ каминѣ; но сырыя дрова, не смотря на эти усилія, горѣли очень, очень плохо.

Я видѣлъ Императора въ послѣдній разъ въ Дрезденѣ, среди пышности и величія: судитежь о моихъ чувствахъ, когда я увидалъ его въ этомъ несчастномъ положеніи и въ этомъ гадкомъ трактирѣ!

Наполеонъ, по обыкновенію своему, прохаживался по комнатѣ; онъ былъ закутанъ въ шубу изъ какой-то зеленой ткани; на головѣ у него была мѣховая шапка, а на ногахъ теплые сапоги.

— А! а! здравствуйте господинъ посланникъ, смѣючись сказалъ мнѣ Наполеонъ.

Я быстро приблизился къ нему, и съ выраженіемъ, родить которое извинить можетъ одно только истинное чувство, сказалъ:

— Вы, слава Богу, здоровы, Государь! А мы такъ страшились за васъ.... Какъ я радъ, что опять вижу Ваше Величество!

— Ну, что́, хорошо ли вамъ было здѣсь? спросилъ онъ, послѣ того, какъ я помогъ ему снять шубу и шапку.

Этотъ вопросъ напомнилъ мнѣ, что первыя слова мои были не совсѣмъ приличны для подданнаго, и притомъ для подданнаго такого Государя, какъ Наполеонъ. Тотъ же часъ я почтительно изобразилъ ему положеніе Герцогства. Положеніе было очень неблистательно: утромъ я получилъ извѣстіе, что въ одной сшибкѣ на Бугѣ два баталіона новобранцевъ бросили оружіе; что изъ тысячи двухъ сотъ лошадей этихъ новобранцевъ погибло до восьми сотъ отъ плохаго присмотра и что пять тысячъ Русскихъ идутъ на Замойскъ. Въ заключеніе я началъ было говорить ему о бѣдности Поляковъ, но онъ не выслушалъ меня и съ живою снѣспросилъ:

— Да ктожь разорилъ ихъ?

— Прошлогодній неурожай, Ваше Величество; торговля ихъ остановилась.

При этихъ словахъ глаза его засверкали.

— Гдѣ Русскіе? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ на этотъ вопросъ.

— А гдѣ Австрійцы?

Я отвѣчалъ и на этотъ вопросъ.

— Около двухъ недѣль я ничего не слыхалъ о нихъ, сказалъ Наполеонъ.

Я извѣстилъ его о пожертвованіяхъ Герцогства для содержанія войска; онъ ничего не зналъ объ этомъ; я говорилъ ему о Польской арміи.

— Я не видалъ ее во всю кампанію, сказалъ онъ.

Я объяснилъ ему причины, по которымъ была раздѣлена и сдѣлалась, вслѣдствіе этого раздѣленія, почти невидимою восьмидесяти двухъ тысячная Польская армія.

— Чегожь желаютъ Поляки?

— Присоединенія къ Франціи.

— Я желаю того же самаго. Надобно набрать десять тысячъ Польскихъ казаковъ и вооружить ихъ пиками; они остановятъ Русскихъ.

Я началъ жаловаться на нѣкоторыхъ агентовъ Французскихъ. Когда я замѣтилъ, что они по неспособности дѣлаютъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, Наполеонъ возразилъ мнѣ съ живостію:

— Да гдѣ же взять способныхъ-то?

Разговоръ перемѣнился. Рассказывая ему о неласковомъ приѣмѣ, сдѣланномъ Австрійцамъ жителями Вольшіи, я упомянулъ о Князѣ Людовикѣ Лихтенштейнѣ и началъ было хвалить его, но Наполеонъ пристально посмотрѣлъ на меня и я остановился.

— Ну чтожь! этотъ Князь, сказалъ онъ; — продолжайте, сударь.

Замѣтивъ, что похвалы мои не нравятся Императору, я перемѣнилъ разговоръ. Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ отпустилъ меня, приказавъ привести къ нему, послѣ обѣда, Графа Станислава Потоцкаго и министра финансовъ. Разговоръ нашъ продолжался около полу-часа и во все это время Наполеонъ прохаживался по комнатѣ.

Мы явились къ нему въ три часа по полудни; онъ только что вышелъ изъ-за стола.

— Какъ вы думаете, давно ли я въ Варшавѣ?... Я только-что приѣхалъ, сказалъ онъ смѣючись при нашемъ входѣ; а потомъ присовокупилъ: здоровы ли Графъ, и вы, г. Министръ Финансовъ?

Эти господа поздравили его съ счастливымъ избавленіемъ отъ опасностей.

— Отъ опасностей? сказалъ Наполеонъ; да отъ какихъ же опасностей? Я привыкъ къ безпокойствамъ; чѣмъ больше я хлопочу, тѣмъ я здоровѣе. Лагерную жизнь я люблю. Но вы, господа, кажется очень безпокоились?

— Государь, общественная молва....

— Вздоръ! у меня еще сто двадцать тысячъ подъ ружьемъ; я всегда побѣждалъ Русскихъ; они всегда отступали. Это не то что подъ Фридландомъ и подъ Эйлау. Ихъ задержать въ Вильнѣ, а я между тѣмъ приведу сюда триста тысячъ войска. Русскіе возгордятся своими успѣхомъ; я дамъ имъ два сраженія на берегахъ Одера, черезъ полгода опять буду на Неманѣ. Въ эту минуту, на тронѣ я больше значу, чѣмъ на конѣ передъ арміею.... Конечно, мнѣ жаль было растаться съ нею; но дѣлать нечего, надобно наблюдать за Австріею и за Пруссіею. Всѣ бѣды наши произошли отъ суровости климата. Непрiятель было задумалъ отрѣзать у меня переправу черезъ Березину, да не отрѣзалъ. У меня было много войска и много пушекъ.

Послѣ этого Императоръ долго говорилъ о сильныхъ и слабыхъ характерахъ, и въ заключеніе сказалъ:

— При Маренго я сражался несчастливо до шести часовъ вечера, а на другой день я былъ власте-

линомъ Италіи; послѣ Эслингенскаго сраженія я сдѣлался властелиномъ Австріи. Эрцгерцогъ надѣялся остановить меня... я не виноватъ, что въ Дунаѣ, въ одну ночь, вода прибыла на шестнадцать футовъ. Да, Австріи не существовать бы теперь, еслибъ этого не случилось; но видно ужъ мнѣ было суждено жениться на Эрцгерцогинѣ.

И все это было сказано съ веселымъ видомъ!

— Быть можетъ, продолжалъ онъ, скажутъ, что я запоздалъ въ Москвѣ; быть можетъ это и справедливо; но тогда погода была прекрасная, а я ждалъ мира. Я отправилъ Лористона для переговоровъ о немъ 5 Октября. Напрасно не послалъ я на Петербургъ. Войско наше будетъ держаться въ Вильнѣ; я оставилъ при немъ Неаполитанскаго Короля. Да, эта война не бездѣльная. Русскіе вели себя не дурно. Императоръ Александръ любимъ ими. У нихъ пропасть казаковъ. Казенные крестьяне любятъ правительство; дворянство вооружилось. Я вель съ Императоромъ Александромъ правильную войну; но какъ можно было предвидѣть Московскій пожаръ? Они приписываютъ его намъ, но это неправда: они сами сожгли свою столицу. Это сдѣлало бы честь самому Риму. За мною слѣдовало множество Поляковъ; они мнѣ преданы.

Разговоръ обратился на другіе предметы. Императоръ, по просьбѣ Польскихъ министровъ, приказалъ выдать Герцогству денежное вспоможеніе. Потомъ, узнавъ отъ нихъ о скоромъ прибытіи дипломатическаго корпуса, онъ воскликнулъ:

— Это шпіоны! я очень не жалею ихъ въ моей главной квартирѣ.

Было уже около пяти часовъ. Огонь въ каминѣ погасъ; мы прозябли, а Наполеонъ, казалось, не чувствовалъ холода.

Наконецъ, спросивъ у насъ, не былъ ли онъ узнанъ, и сказавъ намъ, что для него все равно, узнали его или нѣтъ, онъ приказалъ подавать лошадей. На желанія наши о сохраненіи здоровья его и о благополучномъ окончаніи путешествія, онъ отвѣчалъ намъ:

— Я совершенно здоровъ теперь.

Это были послѣднія слова его.

Вслѣдъ за этимъ онъ сѣлъ въ смиренный экипажъ свой и исчезъ изъ глазъ нашихъ.

Правдѣ,

Бывшій Архіепископъ Мехельскій.

ПОЛКЪ ПИТОМЦЕВЪ ГВАРДИИ.

Когда счастье, столь послушно исполнявшее желанія Наполеона, наградило его сыномъ, наследникомъ его колоссальнаго могущества, Наполеонъ вздумалъ окружить Римскаго Короля гвардіею, которая гармонировала бы съ возрастомъ этого малютки.

Гвардію эту вздумалъ онъ составить изъ сиротъ, оставшихся послѣ офицеровъ, убитыхъ въ сраженіяхъ. Это значило приютить этихъ сиротъ и заставить ихъ забыть, сколько можно, ихъ горестныя утраты. Мысль благородная, великая и достойная Наполеона!

Указомъ 30 Марта 1811 года назначено было сформировать полкъ, состоящій изъ двухъ шестиротныхъ баталіоновъ и наименовать его *полкомъ питомцевъ гвардіи*; далѣе въ указѣ сказано было, что въ немъ *гренадеровъ не полагается*: это ужъ походило, по нашему, на эпиграмму.

Августа 24 того же года, комплектъ этого полка былъ увеличенъ до двухъ тысячъ человекъ; мундиръ питомцевъ былъ зеленый съ желтымъ. Командиромъ этой маленькой пѣхоты былъ назначенъ храбрый полковникъ Бардень.

Этотъ миниатюрный полкъ былъ сформированъ въ Версали. Появленіе его въ первый разъ на разводѣ произвело всеобщее удивленіе. Солдатики эти, изъ которыхъ самому старшему было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, имѣли воинственный видъ, а маршировали превосходно. Они выстроились противъ баталіона старой гвардіи. При видѣ этихъ дѣтей, усачи-гвардейцы улыбнулись. Явился Императоръ, сдѣлалъ смотръ питомцамъ и, ставъ между ними и баталіономъ гвардейцевъ, сказалъ своимъ гренадерамъ:

— Гвардейцы, это дѣти ваши! Отцы ихъ пали, сражаясь въ рядахъ вашихъ; мѣсто отцовъ ихъ заступите вы. Вы будете служить имъ примѣромъ и опорой. Подражая вамъ, они сдѣлаются храбрыми; слушая совѣты ваши, они сдѣлаются хорошими солдатами. Я вѣрю имъ охраненіе сына моего; они будутъ охранять безопасность его также вѣрно, какъ вы охраняете мою безопасность; надѣюсь, что вы будете любить ихъ.

Потомъ онъ оборачивается къ питомцамъ и говорить:

— А вамъ, дѣти мои, вамъ предстоитъ важная обязанность; но я надѣюсь на васъ; надѣюсь, что когда нибудь скажутъ о васъ: они были достойны отцовъ своихъ!

Оглушительное *да здравствуетъ Императоръ!* было отвѣтомъ на эту рѣчь. Вслѣдъ за этимъ солда-

тики поваго полка пошли церемоніальнымъ маршемъ впереди старой гвардіи.... Съ этого дня началась служба ихъ при Королѣ Римскомъ.

Въ одномъ изъ гренадерскихъ полковъ гвардіи былъ заслуженный солдатъ, по имени Жанъ Симонъ. Онъ вступилъ въ службу въ 1792 году, былъ въ Египтѣ и получилъ при Пирамидахъ почетное ружье а за Аустерлицкую кампанію былъ награжденъ орденомъ и переведенъ въ старую гвардію. Незнаніе грамоты лишило его возможности идти по службѣ далѣе званія простаго солдата.

Однажды, это было во время квартированія полка, въ которомъ служилъ Симонъ, въ Курбуа, Жанъ получилъ письмо съ своей родины. Въ этомъ письмѣ извѣщали Симона, что родной братъ его болѣнь и желаетъ видѣться съ нимъ передъ смертію. Симонъ, хоть онъ и давно разстался съ братомъ, не задумался ни на минуту. Съ письмомъ онъ явился къ своему полковнику, выпросилъ отпускъ на мѣсяць и на другой же день на разсвѣтъ, взявъ свою трубку и свой ранецъ, отправился пѣшкомъ къ брату.

Къ несчастію, онъ пришолъ слишкомъ поздно: умирающій братъ его едва успѣлъ пожать ему руку и сказать:

— Братецъ, спасибо тебѣ за то, что ты пришолъ; вотъ все что я имѣю: я отдаю это тебѣ и умираю спокойно.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого онъ умеръ. Наслѣдство, о которомъ говорилъ онъ Жану, было ничто иное, какъ здоровенькій, краснощекій мальчикъ, который съ удивленіемъ и любопытствомъ посматривалъ на мундиръ гренадера, вовсе не понимая

горестной сцены, которой онъ былъ свидѣтелемъ. Этого мальчикъ былъ сынъ брата Симона.

Прошло восемь дней послѣ этого печальнаго свиданія двухъ братьевъ. Симонъ сидѣлъ у дверей избушки своего брата и смотрѣлъ на своего краснощекаго племянника, который съ дѣтскою безпечно-стію игралъ его шапкою. Симону уже было извѣстно, что братъ его разорился единственно отъ непредвидѣнныхъ несчастій: отъ грозъ, неурожаевъ и пр.

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ молодцомъ? думалъ онъ въ это время. Конечно, я ужъ не покину племянника, я раздѣлю съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба; но вотъ надъ чѣмъ призадумался: куда его пристроить-то? Ну, такъ и быть, возьму его съ собою въ полкъ; мальчуга можетъ попастьъ и въ ба-рабанщики.

Восхищенный этой мыслию, Жанъ беретъ свой ранецъ, свою палку, прощается въ послѣдній разъ съ могилою брата и отправляется съ племянникомъ по дорогѣ къ Парижу.

— Ну-ка, братъ, сказывай, какъ тебя зовутъ? спросилъ Симонъ своего маленькаго спутника.

— Францискомъ.

— Ладно. А что, Францискъ, ты любишь солдатъ?

— Солдатъ? они такіе же, какъ и вы?

— Такіе-же.

— Люблю, очень люблю! Я тоже буду солдатомъ!... У меня будетъ мундиръ, большая шапка и славная сабля, также какъ и у васъ.

— Ладно. Я постараюсь, чтобъ у тебя было все это.

На дорогѣ съ ними не приключилось ничего необыкновеннаго. Ветеранъ нашъ пѣжно, бдительно заботился о своемъ приемышѣ и съ каждымъ днемъ привязывался къ нему болѣе и болѣе; живость и смѣлый видъ этого ребенка восхищали Жана; Жанъ полюбилъ его какъ сына.

Но вотъ бѣда: въ полку Жана начинаютъ поговаривать о войнѣ. Какъ быть? Куда дѣвать маленькаго Франциска? Взять его на войну, заставить его дѣлать длинные переходы, сносить бивачныя неудобства, подвергнуть его непріятельскимъ пулямъ,—возможно ли это? Жанъ рѣшается на отважное дѣло.

Онъ адресуется къ фурьеру своего баталіона, писакѣ, извѣстному въ цѣломъ полку, и диктуетъ своему послушному секретарю письмо слѣдующаго содержанія.

«Мон Емрегенгъ.

«Жанъ Симонъ, рядовой пѣшаго гренадерскаго полка вашей гвардіи, тотъ самый, которому вы собственноручно пожаловали орденъ подъ Аустерлицемъ, имѣть честь увѣдомить васъ, что онъ, Симонъ, получилъ въ наслѣдство племянника и, выступая въ походъ, не знаетъ куда дѣвать его. Со временемъ, этотъ племянникъ мой будетъ лихимъ солдатомъ; но я, зная какъ плохо бываетъ тому изъ насъ, кто не умѣетъ читать, я не желалъ бы, чтобъ онъ имѣлъ за собой такой порокъ, а потому и прошу васъ, Мон Емрегенгъ, помѣстить моего маленькаго Франциска въ такую школу, въ которой онъ могъ

бы научиться тому, чему самъ я научить его не могу; что же касается до храбрости, то, ручаюсь вамъ, что онъ постоитъ за васъ со временемъ.

«Извините, Mon Empecur, что въ концѣ этого письма я не подписываюсь, а ставлю крестъ: на это есть свои причины; впрочемъ, я точно также подписался, когда просился на службу, а служу тѣмъ не менѣе вѣрно.»

Это краснорѣчивое «прошеніе» было представлено Императору полковникомъ Дорсепомъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ доклада, Францискъ былъ помѣщенъ въ Фонтенеблосскую школу. Жанъ Симонъ, успокоенный на счетъ будущности своего приемыша, весело отправился въ бѣдственный походъ въ Россію.

Маленькій Францискъ былъ не глупъ, и оказывалъ быстрые успѣхи. Онъ не одинъ разъ писалъ къ дядѣ, но не получилъ отвѣта ни на одно письмо свое. Несчастное окончаніе Русской войны извѣстно каждому. Императоръ, видя, что всѣ усилія его бесполезны, возвратился въ Парижъ для сбора новаго, сильнаго войска.

Вѣсть о бѣдствіяхъ нашихъ достигла и до Фонтенеблосской школы. Францискъ былъ огорченъ этою вѣстью, быть можетъ, болѣе, чѣмъ всѣ другіе его товарищи. Что-то сдѣлалось съ бѣднымъ его дядею? Живъ ли онъ? «Еслибъ я былъ не въ школѣ, а въ полку, думалъ Францискъ, я развѣдалъ бы объ немъ; да, впрочемъ, что жъ такое? я ужъ могу служить: теперь набираютъ новые полки; постараюсь и я попасть въ одинъ изъ нихъ.»

Мысль эта не даетъ ему покоя. Однажды онъ узнаетъ, что Императоръ охотится близъ Фонтенебло. Францискъ спѣшитъ воспользоваться этимъ благоприятнымъ случаемъ, перелѣзаетъ черезъ стѣну двора училища, бѣжитъ въ лѣсъ и становится въ аллею, по которой Императоръ долженствовалъ проходить вскорѣ.

Францискъ ждалъ не долго. Императоръ, проходя по аллею, замѣчаетъ его, подѣзжаетъ къ нему и отрывисто спрашиваетъ: «Что вы здѣсь дѣлаете, молодой человѣкъ?» Францискъ, вытянувшись въ струнку и приложивъ руку къ киверу, отвѣчаетъ съ смѣлымъ видомъ:

— Я ожидалъ васъ, Государь.

— За чѣмъ вышли вы изъ школы?

— Я желалъ говорить съ Вашимъ Величествомъ.

— Какимъ образомъ вышли вы?

— Я перелѣзъ черезъ стѣну.

— А о чемъ вы хотите просить меня?

— О дозволеніи вступить въ одинъ изъ полковъ, выступающихъ въ походъ.

— Имя ваше?

— Францискъ Симонъ, племянникъ Жана Симона, гренадера гвардіи.

— Извольте идти въ школу.

— Слушаю, Государь.

— Скажите вашему начальству, что вы арестованы.

— Слушаю, Государь.

— Я не забуду васъ.

Императоръ уѣзжаетъ, Францискъ возвращается въ школу; ему дѣлають строгій выговоръ, его сажаютъ подъ арестъ, но Франциску и горя нѣтъ; Императоръ сказалъ ему: *я не забуду васъ*, какъ же ему печалиться? И въ самомъ дѣлѣ, черезъ день его призываютъ къ начальнику школы и вручаютъ патентъ на чинъ подпоручика въ полку питомцевъ гвардіи.

Если вы не знаете, что значить надѣтъ въ первый разъ эполеты, вы не можете вообразить себѣ радости Франциска. Онъ офицеръ! офицеръ гвардіи Короля Римскаго! Новопожалованный подпоручикъ прыгаль отъ радости, цѣловаль адъютанта, выпустившаго его изъ - подъ ареста, цѣловаль своихъ товарищей, и болѣе счастливый, болѣе гордый, чѣмъ какой нибудь маршалъ Франціи, явился въ свой полкъ.

Вскорѣ онъ пріобрѣлъ любовь новыхъ своихъ товарищей. Военныя познанія его были довольно основательны и маленькіе солдатики слушались его какъ нельзя лучше. Онъ написалъ къ Жану Симону, разсказаль ему свою продѣлку, свое производство и, въ заключеніе, говорилъ, что онъ надѣется встрѣтиться съ нимъ на полѣ сраженія, и встрѣтиться со славою. Это письмо пришло къ нашему ветерану очень во время: несчастная ретирада арміи приводила его въ отчаяніе. Письмо Франциска, полученное имъ уже по возвращеніи во Францію, восхитило его; онъ показываль его всѣмъ и каждому, онъ просиль читать его себѣ ежедневно и клялся, что онъ умретъ за Императора, который такъ милостиво поступаетъ съ его семействомъ.

Въ эти тяжелыя времена Императоръ былъ вынужденъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ: полкъ питомцевъ гвардіи былъ причисленъ къ дѣйствующимъ войскамъ.

Однажды, на равнинахъ Шампаніи, Императоръ, желая обмануть непріятеля, вытянулъ передъ нимъ въ застрѣльщики баталіонъ питомцевъ гвардіи: это былъ тотъ самый, въ которомъ служилъ Францискъ. О, повѣрьте мнѣ, стоило видѣть, съ какимъ удивительнымъ хладнокровіемъ цѣлили эти дѣти въ враговъ, почти вдвое бѣльшихъ ихъ ростомъ, какъ весело маневрировали они посреди ужасовъ смерти!... Старые солдаты ободряли ихъ и съ заботливостію, истинно отеческою, старались спасти ихъ отъ жаркихъ нападений непріятельскихъ.

Сраженіе длилось долго; оно было убійственно; однако же питомцы держались такъ храбро, такъ тревожили непріятеля, что планъ Наполеона удался. Императоръ замѣтилъ подвиги маленькихъ солдатъ своихъ. Подъѣзжая къ фронту ихъ, онъ замѣчаетъ молодого подпоручика, котораго выносили изъ рядовъ на ружьяхъ. Этотъ офицеръ былъ раненъ еще утромъ, но не позволилъ нести себя съ поля сраженія до окончанія битвы, и во все это время, не смотря на страданія свои, кричалъ: *да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ Франція!* Наполеонъ приближается къ нему; въ ту же самую минуту выходитъ изъ рядовъ старый гренадеръ, поспѣшно подходитъ къ молодому офицеру, сжимаетъ его въ объятіяхъ.... это Жанъ: онъ узналъ своего племянника. Но вскорѣ онъ замѣчаетъ Императора, который съ

умилениемъ смотрѣлъ на эту трогательную сцену. Жанъ вытягивается передъ Наполеономъ и говоритъ:

— Государь, я оставилъ фронтъ безъ позволенія, я виноватъ; прикажите наказать меня; но это мой племянникъ, мой сынъ, мой храбрый Францискъ; я не въ силахъ былъ удержаться....

— *Капитанъ* Францискъ Симонъ, сказалъ Императоръ съ особеннымъ выраженіемъ при словѣ капитанъ, васъ ожидаетъ этотъ крестъ со времени свиданія нашего въ лѣсу Фонтенеблосскомъ; примите его изъ рукъ моихъ.

— Я удостоился такой же чести отъ васъ, Мон Емрегеур, сказалъ Жанъ Симонъ со слезами на глазахъ; но я ужъ былъ на возрастъ, а этому мальчику нѣтъ и шестнадцати лѣтъ.

— До свиданія, капитанъ! молвилъ Наполеонъ, уѣзжая.

Нынѣ полковникъ Симонъ принадлежитъ къ числу нашихъ лучшихъ офицеровъ; старый дядя его живетъ вмѣстѣ съ нимъ; Жанъ Симонъ получаетъ пенсіонъ и съ гордостію рассказываетъ всѣмъ первый подвигъ своего Франциска.

ПАЖИ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА.

Однажды вечеромъ, въ Октябрѣ 1804 года, Наполеонъ сказалъ Дюроку:

— Коронація моя будетъ 2 Декабря; надобно поторопиться образованіемъ двора; я желаю, чтобы мой дворъ и дворъ Императрицы были сформированы на подобіе дворовъ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты. Такого рода устройство будетъ имѣть двойную выгоду: оно дастъ мнѣ возможность наградить тѣхъ, которые уже служили мнѣ, и тѣхъ, которые желаютъ служить мнѣ, хоть они и желаютъ, быть можетъ, по необходимости; но до этого нѣтъ дѣла: пусть только служатъ хорошо. Я хочу возстановить званіе пажей въ прежнемъ его видѣ; вы, какъ оберъ-церемоніймейстеръ моего двора, представите мнѣ завтра по этому предмету докладъ.

Дюрокъ заговорилъ было о краткости срока, назначеннаго для составленія этого доклада, но Наполе-

онъ, нетерпѣливо желавшій устроить, какъ онъ говорилъ, *свое хозяйство*, и поравняться пышностію съ прежними Королями Франціи, сказалъ ему, не выслушавъ его возраженій:

— Повидайтесь и переговорите съ Коленкуромъ; однимъ словомъ, поступайте какъ вздумаете, совѣтуйтесь, спрашивайте кого хотите, только представьте мнѣ завтра докладъ вашъ. Ступайте, Дюрокъ.

Однакожь докладъ былъ представленъ Императору не ранѣе, какъ черезъ три дня послѣ этого разговора. Для разсмотрѣнія его Наполеонъ составилъ совѣтъ. Докладъ былъ читанъ Коленкуромъ. По прочтеніи его Наполеонъ приказалъ, чтобы на первый разъ пажей было *двѣнадцать*, но чтобы по мѣрѣ надобности, число это было увеличиваемо, не превышая однакожь *двадцати четырехъ*. (Въ послѣдствіи число пажей было увеличено до тридцати, а въ 1810 году, при бракосочетаніи Наполеона съ Маріею-Луизою, до тридцати семи. Императоръ назначилъ на содержаніе каждаго изъ нихъ по 1400 фр. въ годъ и повелѣлъ, чтобы всѣ они состояли попеременно при немъ и при Императрицѣ. Засѣданіе было закрыто, а совѣщаніе объ одеждѣ, преимуществахъ и воспитаніи пажей отложено до другаго дня.

Но это новое засѣданіе совѣта послѣдовало не ранѣе какъ черезъ педѣлю. Наполеонъ открылъ его слѣдующими словами:

— Господа, я хочу, чтобы и самая будущность пажей моихъ была обезпечена. Я озабочусь объ ихъ воспитаніи. Принимаемые въ пажи будутъ преимущественно дѣти изъ древнихъ фамилій или изъ тѣхъ

семействъ, преданность которыхъ ко мнѣ уже извѣдана опытомъ. Возрастъ для поступленія въ пажи назначается десятилѣтній; оставаться при мнѣ они будутъ до пятнадцати лѣтъ. Что вы на это скажете, господа?

Члены совѣта во всемъ согласились съ мнѣніемъ Императора; одинъ изъ нихъ, впрочемъ, замѣтилъ, что срокъ службы пажей долженъ быть нѣсколько продолжительнѣе, что отъ десятилѣтнихъ мальчиковъ не лзя требовать ни скромности, ни понятливости.

— Это правда, сказалъ Наполеонъ; они будутъ въ пажахъ до восемнадцати лѣтъ; потомъ могутъ быть помѣщены въ моему штабѣ, или отосланы въ военную школу.

Послѣ этого совѣтъ опредѣлилъ, чтобы былъ *первый* и *второй пажъ* (*premier et second page*) для надзора за другими ихъ товарищами; но чтобы воспитаніе всѣхъ было одинаковое — военное.

— Да, военное, сказалъ Наполеонъ съ выразительностію. Однакожъ я хочу, чтобы они учились музыкѣ, танцовать, по-Латыни, а главное — математикѣ.

— По-Нѣмецки и по-Англійски, сказалъ въ полголоса одинъ изъ членовъ совѣта.

— Къ чему? съ живостію возразилъ Наполеонъ; Французскій языкъ сдѣлался всеобщимъ въ Европѣ; лучше пусть они учатся географіи, исторіи, фехтованью и плаванию: это вещь важная. Недавно Декре едва не утонулъ отъ неумѣнья плавать; — утонуть, кому же? — морскому министру!... это ужъ очень забавно. Сверхъ того, пажи будутъ учиться верховой

здѣ. Вы, Коленкуръ, представите мнѣ списокъ учителей; я хочу самъ ихъ выбрать.

— Но, Государь, сказала Прадтъ, который также былъ призванъ на это важное совѣщаніе, вы забываете важнѣйшее: изученіе правилъ вѣры.

— Извините, г. аббатъ, возразилъ Наполеонъ, нѣсколько оскорбленный этимъ замѣчаніемъ; я не забылъ объ этомъ. Я даже назначилъ для преподаванія этихъ правилъ извѣстнаго вамъ аббата Гандона (Handon); онъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и помощникомъ гувернера ихъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ полковникъ Ассиньи, имъ надобенъ гувернеръ и помощникъ гувернера.

— Полковникъ, я уже назначилъ ихъ: я назначилъ васъ.

— Меня! Вы, Государь, назначили меня гувернеромъ пажей Вашего Величества! восклицаетъ полковникъ.

— Нѣтъ, не гувернеромъ, а помощникомъ его, товарищемъ аббата Гандона; онъ будетъ блюсти за нравственностію пажей и учить ихъ правиламъ вѣры, а вы пецись о здоровьи ихъ. Быть гувернеромъ, — извините меня, полковникъ, — вамъ не лзя: вы будете слишкомъ слабы, или, лучше сказать, слишкомъ добры. Пажь, господа, плутовать, какъ обезьяна; шаловливъ, какъ маленькій школьникъ; сердить, какъ индѣйскій лѣтухъ; лакомъ, какъ кошка; безтолковъ, какъ жукъ; лѣнивъ, какъ сурокъ, и тщеславенъ, какъ павлинъ. А! а! вы ихъ еще не знаете.

Это изображеніе размѣшило всѣхъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ.

— Да, господа, продолжалъ Наполеонъ, портретъ этотъ верѣнь, по этому-то я и хочу, чтобы за ними смотрѣли пострже. Я назначаю гувернеромъ ихъ Гардана. Главное же начальство надъ ними поручается вамъ, Коленкуръ. Я дамъ имъ для житья два дома: одинъ въ Парижъ, а другой въ Сень-Клу. Во время пребыванія нашего въ Тюльери, пажи, свободные отъ службы, будутъ жить въ Сень-Клу. Я хочу, чтобы всѣ они какъ можно подалѣе были отъ придворныхъ дамъ Императрицы. Я не люблю ни нескромностей, ни сплетней.

Однакожь, не смотря на это воспрещеніе, пажи гораздо чаще бывали въ комнатахъ Жозефины, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. При входѣ Императора въ эти комнаты, шалуны пажи укрывались позади своихъ маминекъ, своихъ тетинекъ и двоюродныхъ сестрицъ. Наполеонъ, ходившій обыкновенно очень скоро, часто не замѣчалъ укрывающагося пажа, но бѣдняжка попадался, если Императоръ останавливался хоть на минуту. Въ подобныхъ случаяхъ Наполеонъ выдиралъ пажу уши и самъ отводилъ его до двери, говоря полушутливымъ, полусерьезнымъ тономъ:

— А! а! что вы тутъ дѣлали, господинъ проказникъ? Вѣдь вы знаете, что здѣсь не ваше мѣсто? Ступайте къ вашимъ товарищамъ, да смотрите, чтобы впередъ этого не было.

Но если, на бѣду пойманнаго, Императоръ бывалъ не вдухъ, въ такомъ случаѣ Его Величество тотчасъ посылалъ за Генераломъ Гарданомъ.

Наказаніемъ за эти проступки обыкновенно бывалъ арестъ. Въ числѣ пажей были двое или трое

такихъ, которые такъ привыкли къ подобной развязкѣ, что въ случаѣ поимки ихъ, сами собою и не ожидая своего гувернера, отправлялись въ *арестантскую*.

Однажды, въ воскресенье передъ обѣденою, въ ожиданіи Императора собралось въ сѣняхъ Тюльерійскаго дворца множество придворныхъ, генераловъ и другихъ важныхъ чиновниковъ. Въмѣстѣ съ ними ожидали Императора и два пажа. Въ это время одинъ офицеръ корпуса колоновожатыхъ рассказывалъ какому-то камергеру о дуэли, которую имѣлъ онъ съ своимъ товарищемъ за жену одного провіантскаго чиновника; офицеръ говорилъ съ такимъ жаромъ, что воспламенилъ слушавшихъ его пажей. Эти шалуны, бывшіе между собою въ ссорѣ, начали поглядывать другъ на друга искоса, потомъ стали грозить другъ другу, а наконецъ схватились въ рукопашную. Ихъ хотѣли было развести, имъ говорили о неприличіи затѣвать ссору въ присутствіи такихъ почтенныхъ особъ, во дворцѣ и за минуту до прихода Императора; но шалуны не послушались этихъ увѣщаній и смѣло продолжали свой кулачный поединокъ.

Между тѣмъ офицеръ, рассказывавшій о своей дуэли, успѣлъ собрать около пажей кружокъ зрителей, кружокъ, который шалуны потѣшили какъ нельзя болѣе. Развеселившіеся маршалы, при каждомъ счастливомъ ударѣ, восклицаютъ: *славно!... хорошо!... смѣль!... не поддавайся!...* пажи бьются на пропалую; у одного изъ нихъ уже посинѣлъ глазъ, какъ вдругъ раздается восклицаніе придверника: *Императоръ!...* При этомъ магическомъ словѣ всѣ

спѣшать по мѣстамъ своимъ; офицеръ корпуса ко-
лоновожатыхъ старается выпроводить пажей изъ
съней дворца.

Входитъ Наполеонъ и замѣчаетъ, что передъ его
прибытіемъ произошло что-то необыкновенное.

— Что это такое? Кажется меня здѣсь не ожида-
ли? говоритъ онъ Дюроку и проходить въ церковь,
гдѣ духовенство и музыканты дожидались его уже
болѣе трехъ часовъ.

Генераль Гарданъ былъ человѣкъ очень строгій,
но, къ счастью для пажей, онъ рѣдко бывалъ съ ни-
ми и обыкновенно передавалъ власть свою полков-
нику Ассињи, котораго пажи очень любили, потому
что онъ былъ очень добръ. Они сочиняли иногда
надъ нимъ такія штуки, которыя вовсе ему не пра-
вились. Напримѣръ, однажды полковникъ, намѣрева-
ясь представиться Императору, одѣвается въ *придвор-
ную форму*; но, передъ представленіемъ, заходитъ
въ классъ и садится подлѣ большой черной доски.
Одинъ изъ самыхъ маленькихъ пажей, сидѣвшій близъ
полковника, ловитъ муху, прокалываетъ ее булавкою,
потихоньку спускается къ самымъ ногамъ Ассињи,
втыкаетъ ему булавку въ икру и восклицаетъ: *пой-
маль!* Ассињи вскрикиваетъ отъ боли, а пажъ вста-
етъ и съ торжествующимъ видомъ показываетъ пол-
ковнику муху, воткнутую на булавку.

— Проклятой чертенокъ! говоритъ ему Ассињи, по-
тирая себѣ ногу; ты пребольно укололъ меня....
однакожь ты мастерски подцѣпилъ ее!

Но всего болѣе пажи проказничали надъ почтен-
нымъ, достойнымъ аббатомъ Гандономъ. Я расскажу

только одну ихъ продѣлку. Аббать баловаль ихъ и часто лакомилъ. Однажды двое изъ самыхъ младшихъ пажей приходятъ къ нему въ ту минуту, когда онъ пилъ кофе.

— Здорово, дѣти! говоритъ имъ Гандонъ. Я угощу васъ сегодня; вотъ вамъ полчашечки кофе; пока мѣсть вы будете пить его, я прочту газету, въ которой есть очень любопытная рѣчь г. Фонтана, а потомъ вы мнѣ скажете, за чѣмъ пришли ко мнѣ.

Аббать очень много нюхаль табаку и особливо въ то время, когда читаль. На этотъ разъ, принимаясь за чтеніе, онъ вынюхаль двѣ огромныя щепоти своего *Виргинскаго*. Въ то время, когда аббать былъ наиболѣе углубленъ въ это чтеніе, одинъ изъ пажей беретъ немного кофе на чайную ложечку и, поднявъ ее надъ головою аббата, каплетъ кофеемъ на газету. Гандонъ воображаетъ, что капелька эта упала по прямой линіи изъ его носа, сморкается и продолжаетъ читать. Вскорѣ вторая капелька кофе падаетъ на рѣчь г. Фонтана; аббать опять сморкается и опять принимается за чтеніе. Является и третья капелька: аббать сморкается изо всѣхъ силъ и располагается снова приняться за чтеніе, какъ вдругъ за стуломъ его раздается громкій смѣхъ.... Гандонъ оборачивается и видитъ пажа, готоваго къ повторенію своей шалости. Добрый аббать посердился и простилъ.

Однакожь между этими проказниками были и разсудительные молодые люди. Императоръ иногда дѣлалъ имъ довольно важныя порученія. Я расскажу вамъ объ одномъ изъ такихъ случаевъ. Вечеромъ 20 Марта 1811 года, когда Жозефина (она жила

тогда въ Наваррѣ) располагалась перейти въ гостиную, гдѣ былъ приготовленъ для нея и для дамъ ея чай, въ передней послышался шумъ; вслѣдъ за этимъ двери въ галерею растворяются настезь, является камеръ-лакей и докладываетъ о приѣздѣ курьера отъ Императора. Жозефина и Евгений, который гостилъ въ это время у матери, встаютъ: передъ ними пажъ; онъ привезъ собственноручное письмо Наполеона съ вѣстію о рожденіи Короля Римскаго. Жозефина приказываетъ дать пажу ужинать, уложить его спать; но пажъ говорить, что онъ, по приказанію Императора, долженъ ѣхать назадъ тотчасъ по полученіи отвѣта.

Жозефина уходитъ; часъ спустя пажа требуютъ къ Ея Величеству. Императрица вручаетъ ему письмо.

— Это Императору, говорить Жозефина; а это вамъ, присовокупляетъ она, вручая пажу прекрасную брилліантовую булавку. Я желала бы, чтобы вы отдохнули здѣсь; но Императору не угодно, чтобы вы медлили, и такъ поѣзжайте съ Богомъ.

Она протянула ему руку: пажъ почтительно поцѣловалъ ее.

Къ пяти часамъ утра пажъ былъ уже въ Тюльери. Онъ проѣхалъ верхомъ 104 версты въ теченіи шести часовъ.

Исключая подобныхъ экстренностей, въ службѣ пежей не было ничего труднаго: двое изъ нихъ обыкновенно помѣщались подлѣ Императрицы на большихъ выходахъ; старшій изъ нихъ поддерживалъ шлейфъ мантии ея, а младшій предшествовалъ Ея Величеству. Въ походы Императоръ бралъ съ собой четырехъ пажей, а на охоту только двухъ.

Въ Парижѣ и въ Сень-Клу Ихъ Величествамъ прислуживали по меньшей мѣрѣ шесть пажей. Двое изъ нихъ сопровождали Наполеона, когда онъ выѣзжалъ верхомъ или въ экипажѣ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ одинъ изъ пажей обыкновенно ѣхалъ впереди кареты, а другой — у лѣвой ея дверцы, позади дежурнаго шталмейстера; но при поѣздкахъ Наполеона въ парадныхъ каретахъ и въ сопровожденіи многочисленной свиты, пажи, и притомъ не двое, а гораздо въ большемъ числѣ, помѣщались въ каретѣ Императора.

На дипломатическихъ аудіенціяхъ, при приѣмѣ посланниковъ, по воскресеньямъ у обѣдни, на балахъ и въ театрѣ, при Ихъ Величествахъ находилось по двѣнадцати пажей.

При возвращеніи Императора и Императрицы во дворецъ ночью, два пажа должны были встрѣтить Ихъ Величества въ сѣняхъ и со свѣчами въ рукахъ сопровождать черезъ парадные апартаменты.

Пажи были любимы какъ Императоромъ, такъ и Императрицею. Однакожъ Жозефина, изъ приличія, говорила съ ними всегда съ нѣкоторою холодностію. Императоръ же обходился съ ними безъ всякихъ церемоній. Онъ говорилъ имъ, по большей части, *ты*, называлъ каждыя изъ нихъ по имени, а не по фамиліи. Только разсердившись онъ говаривалъ имъ *monsieur* и называлъ ихъ по фамиліи.

Многіе думали, а сочинители *Историческихъ записокъ объ имперіи* утверждали печатно, что Императоръ обращался съ своими придворными, какъ съ лакеями; но я могу сказать утвердительно, что это совершенно несправедливо: не было человека учти-

вѣе, обязательнѣе Наполеона; онъ никогда не поступалъ грубо даже съ своими пажами, за исключеніемъ однакожъ одного случая,—случая, который я расскажу вамъ.

Это было въ Мальмезонѣ. Однажды вечеромъ Наполеонъ, разговаривая съ Жозефиною въ *голубой гостиной*, приказываетъ подать себѣ чашку чаю. Дежурный пажъ приноситъ требуемую чашку. Подавая ее Императору, онъ долженствовалъ, по принятому обыкновенію, остановиться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Его Величества; но, видно желая избавить Наполеона отъ труда приподниматься, онъ подходитъ, и притомъ очень поспѣшно, къ самому Императору; въ тороняхъ зацѣпляетъ ногою за коверъ, спотыкается и проливаетъ чай, почти кипящій, на ноги Наполеона, который на этотъ разъ былъ въ башмакахъ.

Наполеонъ съ бранью отодвинулъ свое кресло; Жозефина засмѣялась.

— Богъ мой! сказала она, какъ ты бранишься, Бонапартъ! какая у тебя скверная привычка!

— Но, возражаетъ Императоръ, вытирая чулки свои носовымъ платкомъ, этотъ глупецъ страшно обжогъ мнѣ ноги!

Пажу, который при входѣ въ гостиную успѣлъ взглянуть въ зеркало, чтобы увѣриться, граціозно ли онъ подаетъ Его Величеству чашку — было не до смѣха. Къ счастью, чашка не разбилась при паденіи. Наполеонъ поднялъ ее и посматривалъ на нее съ любопытствомъ. Жозефина засмѣялась еще громче.

— Ну, полно сердиться, сказала она; ты видишь, что чашка не разбилась.

Быть пажемъ Ихъ Величествъ считалось большою честію. Самыя важныя придворныя особы добивались пажескихъ мѣстъ для сыновей своихъ. Эти мѣста предоставляли множество выгодъ: они давали возможность быть всегда на глазахъ Ихъ Величествъ и служили путемъ къ важнѣйшимъ должностямъ, потому что Наполеонъ любилъ своихъ пажей, и, коротко узнавъ ихъ въ дѣтствѣ, въ послѣдствіи оказывалъ имъ безграничную довѣренность.

Эмиль Марко де Сентъ-Илеръ.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Мой переездъ черезъ море.....	5
Взятіе Мальты (1798).....	26
Ученое засѣданіе въ Египтѣ (1799).....	43
Баль у Талейрана.....	50
Непредвидѣнный поединокъ.....	58
Собственная канцелярія Наполеона и его секретари.....	62
Поэтъ и дикія утки.....	81
Ораторія Гайдена, шаль и адская машина.....	87
Письмо Наполеона къ Императрицѣ Жозефинѣ.....	94
Милосердіе и помилованіе (1804).....	101
Коронація.....	109
Наглость.....	126
Объ этикетѣ при Императорскомъ дворѣ.....	131
Два посѣщенія.....	140
На походѣ.....	152
Спектакль на придворномъ театрѣ.....	162
Счетъ трактирщика.....	168
Разводы и инспекторскіе смотры, парады и производства....	171
Свиданіе Наполеона съ Императоромъ Александромъ.....	184
Охота.....	197
Смерть Ланна.....	205
Три мѣсяца въ Шенбрунѣ. (Вѣнскій миръ 1809).....	211
Долина Святой Елены въ Австріи.....	222
Таможни и контрабанда.....	225
Расторженіе брака.....	232

	стр.
Бракъ Наполеона съ Марією-Луизою.....	238
Генераль Пего (біографическій эскизь).....	252
Рожденіе Римскаго Короля.....	263
Арапины (1812 года).....	267
Сбора двухъ братьевъ.....	274
Нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ изъ моей жизни.....	281
Воспитаніе сына Наполеонова.....	297
Евгеній Богарне.....	316
Неожиданное возвращеніе.....	321
Полкъ питомцевъ гвардіи.....	329
Пажи Императора Наполеона.....	339

99

